

S T U D I A P H I L O L O G I C A

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

НАРОДНАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ ПОЛЕСЬЯ

Публикации текстов
в записях 80—90-х годов XX века

Том I

Люди со сверхъестественными свойствами

Составители:

Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2010

УДК 811.161.1
ББК 82.3(2Рос=Рус)-6
Н 30

Издание подготовлено и осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проекты № 05-04-04115а, № 07-04-11213в, № 09-04-16221д

Н 30 Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80—90-х гг. XX века. Т. 1: Люди со сверхъестественными свойствами / Сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. — М.: Языки славянских культур, 2010. — 648 с. — (Studia philologica).

ISBN 978-5-9551-0446-1

Настоящий том открывает четырехтомное издание полевых материалов по народной демонологии из украинского и белорусского Полесья, а также примыкающих к нему южнорусских областей. Книга содержит впервые публикуемый обширный корпус мифологических текстов, записанных в 80—90-х гг. XX в. Полесской экспедицией. Представленные материалы снабжены подробным научным комментарием и справочным аппаратом. В первый том «Народной демонологии Полесья» вошли тексты, содержащие поверья о людях с демоническими свойствами: ведьме, колдуне, колдунье, знахаре, «знающих», волколаке, а также об одном из наиболее характерных результатов вредоносной деятельности ведьм и колдунов — заломе.

Книга адресована фольклористам, этнографам, культурологам, антропологам и всем, кто интересуется славянской традиционной культурой.

ББК 82.3

*В оформлении переплета использована гравюра из старопечатной книги,
хранящейся в Ветковском музее народного искусства*

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0446-1

© Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская, сост., 2010
© Языки славянских культур, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
Люди со сверхъестественными свойствами	30
Глава 1. Ведьма (Л. Н. Виноградова)	36
Глава 2. Колдун (Л. Н. Виноградова)	257
Глава 3. Колдунья (Л. Н. Виноградова)	323
Глава 4. Залом (Е. Е. Левкиевская)	331
Глава 5. Знахарь, знахарка (Л. Н. Виноградова)	411
Глава 6. «Знающие» люди (Л. Н. Виноградова)	437
Глава 7. Волколак (Е. Е. Левкиевская)	478

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Административная карта Полесья	561
2. Список сел и информантов	562
3. Список собирателей	609
4. Программа Полесской экспедиции. XIII. Демонология	612
5. Указатель мифологических мотивов 1-го тома	614
6. Словарь диалектных и трудных для понимания слов	625
7. Словарь календарной лексики	635
8. Словарь мифологической лексики	638
9. Библиография	640

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга представляет собой первый том готовящегося к печати четырехтомного издания полевых материалов по демонологии, собранных в 70—90-е гг. XX в. Полесской экспедицией под руководством академика Н. И. Толстого. Полесский архив хранится в Отделе этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН. Отдельные материалы Полесского архива, в том числе и в области мифологии, многократно цитировались в различных исследованиях, посвященных традиционной культуре. Однако впервые все тексты по демонологии, хранящиеся в этом архиве, собраны в одном издании и представлены в виде аналитически описанной структуры, содержащей обширный корпус текстов (около 8 тысяч единиц), расположенный по единому географическому и тематическому алгоритму. Важная теоретическая и практическая цель данного издания — выработка и апробация новых принципов публикации полевых материалов, которая не только вводит в научный оборот новые тексты в их аутентичном виде, но и представляет их читателю в аналитически обработанном и классифицированном виде. При использовании таких принципов подготовки издания сама форма подачи материала является результатом глубокого научного исследования. Настоящее издание продолжает традицию изучения и описания Полесья, принятую в трудах предшественников, прежде всего в работах Н. И. Толстого. Описанный по единому принципу полевой материал не только позволяет построить полную типологию и классификацию полесской мифологической системы, но и проследить диалектные различия в демонологических верованиях различных ареалов Полесья.

Характеристика Полесья. Полесье занимает обширную территорию, вытянутую вдоль течения реки Припять. Географически оно представляет собой большую низменность, восточные границы которой проходят по рекам Березине и Днепру, западные — по Западному Бугу. Южными границами Полесья являются склоны Волынского-Подольского и Овручско-Словечанского плато, северной границей считается линия, проходящая севернее Бреста и Кобрина к Слуцку. В административном плане северная часть Полесья относится к Белоруссии, южная — к Украине (Толстой 1968, 5). Ареал, на котором собраны публикуемые материалы, охватывает пространство от юго-западных земель России до границы с Польшей и включает две белорусские области (Брестскую и Гомельскую), шесть украинских областей (Волынскую, Ровенскую, Житомирскую, Киевскую,

Черниговскую и, частично, Сумскую), а также отдельные районы Брянской и Калужской областей России.

Уникальность настоящего издания заключается не только в масштабности описываемого ареала и охвате материала, но и в особенностях самого Полесья, как одного из наиболее интересных в этнокультурном отношении регионов Восточной Славии. Ценность Полесья как целостного этнокультурного региона определяется его непосредственным соседством с гипотетической территорией славянской прародины или вероятной принадлежностью западной части Полесья к этой территории, что позволяет считать Полесье одним из наиболее древних ареалов расселения славян и формирования их культуры. Географическая специфика региона, особенности уклада жизни населения способствовали консервации сформированной традиции. Несмотря на значительную протяженность территории, можно говорить о типологическом единстве полесской традиции — она обладает характерным именно для этого ареала корпусом фольклорных текстов, релевантных мифологических мотивов и сюжетов, обрядовых элементов, весьма устойчивое сочетание которых отличает ее от других славянских традиций. Полесская традиция до самого последнего времени прекрасно сохраняла в себе многие архаичные элементы славянской культуры, полностью или частично утраченные в других регионах. Выявление и анализ этих элементов должны облегчить задачу реконструкции древнейших прасостояний славянской культуры. С другой стороны, Полесье, лежащее на стыке трех восточнославянских этносов и на пограничье с западнославянскими землями, тесно связано большим количеством лингвистических, фольклорных и этнокультурных соответствий с другими славянскими традициями: на западе с польской, на юге с карпатско-балканской, на северо-востоке с псковско-новгородской, на востоке с брянской, а также с другими частями белорусской и украинской традиций. Большую важность представляют и связи полесской традиции с инославянскими ареалами, прежде всего с балтийскими и фино-угорскими. Результаты, полученные после описания, классификации и картографирования этих соответствий, несомненно, послужат ценным материалом для решения проблемы славянского этногенеза.

Единство полесской традиции вовсе не подразумевает ее однородности и неизменности ни в лингвистическом ни в этнографическом, ни в фольклорном плане. Напротив, территория Полесья чрезвычайно интересна и перспективна с точки зрения диалектологии, поскольку позволяет выявить как весьма ранние диалектные границы, так и сравнительно молодые, указывающие на поздние миграции в данном регионе. Через этот ареал проходит ряд важных диалектных границ, наиболее ранней из которых является хорошо известная граница по рекам Ясельде, Припяти, Горыни, разделяющая Полесье на западную и восточную части. Эта линия почти в деталях совпадает с границей расселения балтов и славян в древности, установленной по языковым фактам. Хронологическая глубина этой границы датируется исследователями серединой III тысячелетия до н. э. (т. е. эпохой бронзы), а ее устойчивость подтверждается данными нескольких дисциплин — археологии,

антропологии, лингвогеографии, этнолингвистики. Археологические исследования показывают, что начиная с эпохи бронзы вплоть до эпохи Киевской Руси деление Полесья на западную и восточную части по Ясельде-Припяти-Горыни сохраняло свою актуальность, несмотря на смену археологических культур (Кухаренко 1968, 18—46). Труды археологов были доказаны относительная древность и устойчивость славянского населения Полесья, прежде всего в его западной части. Большой интерес в связи со славянским этногенезом представляют данные антропологического исследования, проводившегося группой исследователей в 70-х гг. XX в. В частности, гомеогеография Полесья (различия по группам крови) выявляет границу по Ясельде и Припяти, разделяющую эту территорию на северную и южную зоны. Похожее деление на северную и южную части дало исследование дерматологических признаков. Эти признаки весьма надежно позволяют отделить полесскую зону от остальной белорусской территории. И на своих южных границах Полесье отличается от остальных украинских земель по ряду антропологических признаков (Тегако и др. 1978).

Этнографические работы в области материальной культуры этого региона (по народной архитектуре, сельскохозяйственной технике и типам традиционной одежды) также выявили границы, отделяющие полесскую территорию от остальной белорусской, а также внутриволесские диалектные границы. В частности, ареалогический подход к изучению деревянного жилища показал значимость все той же диалектной линии Ясельда-Припять-Горынь для классификации разновидностей планировки домов, форм крыши и техник покрытия крыш соломой (Якимович 1978).

Принципиально важными для характеристики полесского региона стали диалектологические работы. Изучение полесских говоров позволило выявить и обозначить ряд важных изоглосс, с одной стороны, отделяющих Полесье от остального украинского и белорусского ареала, а с другой — объединяющих его с другими славянскими диалектами. Наибольшее число собственно полесских фонетических и лексических изоглосс проходит по уже упоминавшейся линии раздела археологических культур и этнографических реалий — Ясельда-Припять-Горынь (подробнее об этом см.: Толстой 1968, 9—11; Назарова 1968, 67—99), что и на языковом уровне подтверждает актуальность членения полесской зоны на западную и восточную части. Не менее важными для диалектного членения Полесья являются изоглоссы, отделяющие украинскую территорию от белорусской. Диалектное описание припятской зоны позволило решить давнюю проблему украинско-белорусского языкового разграничения, установив основную полосу переходных говоров, вытянутых вдоль Припяти по линии с севера на юг по Днепру вплоть до впадения в него Припяти, далее до г. Наровля и далее на запад (Назарова 1964, 124—140).

Даже беглая характеристика полесского ареала показывает глубину его традиции, устойчивость диалектных границ и перспективность дальнейшего комплексного изучения различных аспектов его культуры.

Формирование этнолингвистических методов и история изучения Полесья.

Традиционной культуре Полесья было посвящено значительное число коллективных и индивидуальных трудов, изучающих этот регион в ареальном, этнографическом и лингвогеографическом аспекте. История этого вопроса достаточно подробно описана в ряде работ (Толстой 1968; Толстые 1983; Толстой 1995). Поэтому мы не будем останавливаться на ней подробно, обозначив лишь наиболее важные для данного издания аспекты изучения полесской традиции, связанные с формированием этнолингвистических методов исследования. Первый интерес к материальной и духовной традиции полешуков был проявлен еще на рубеже XIX—XX вв. Этнографические и фольклорные материалы из отдельных частей Полесья были опубликованы О. Кольбергом, М. В. Довнар-Запольским, А. К. Сержпутовским и другими исследователями этого времени. Наиболее крупными работами первой трети XX в. в этой области следует считать известную книгу Казимира Мошиньского (Moszyński 1928), давшего системное описание быта и фольклора трех гомельских сел — Голубицы, Дорошевичей и Дяковичей, а также монографию Чеслава Петкевича о Речицком Полесье (Pietkiewicz 1938).

Новая волна интереса к полесскому региону как к объекту археологического, лингводиалектного, этнографического и этнолингвистического исследования приходится на вторую половину XX в. в связи с проблемами славянского этногенеза, реконструкции праславянской культуры и поисками прародины славян, решение которых было активно начато в 60—80-е гг., но, к сожалению, в настоящее время отошло на периферию научного внимания, все еще оставаясь далеким от завершения. В этот период наиболее интенсивного и плодотворного исследования Полесья силами разных дисциплин были достигнуты весьма заметные успехи прежде всего в сфере лингвистики, а именно — в области лексикологии и диалектологии.

Представляемые в настоящем издании полевые данные можно считать первым в истории отечественной науки экспедиционным материалом, собранным в рамках разработанного в 70—80-х гг. XX в. этнолингвистического метода изучения славянской духовной традиционной культуры. Можно сказать, что формирование этого метода проходило апробацию в рамках описания полесского региона. А его возникновение было обусловлено несколькими тенденциями, актуальными для отечественной науки второй половины XX в. **К их числу можно отнести:** интенсификацию диалектологических исследований (сбор и классификацию диалектной лексики, составление диалектных словарей, подготовку ряда важных региональных и общенациональных диалектных карт и атласов); обострение интереса к реконструкциям праязыковых состояний (праславянским, праиндоевропейским, ностратическим); оживление в изучении русской и славянской традиционной культуры (увеличение числа экспедиций, публикаций полевого материала, исследований в области фольклора).

Одна из основных тенденций лингвистики 60 — начала 90-х гг. XX в. — возросшее внимание к диалектному слову и его семантике. Результатом активного изучения диалектной лексики, ее состава и семантических особенностей стано-

вятся публикации тематических и региональных лексических словарей, описывающих стандартную для традиционной диалектологии лексику, обслуживающую сферу бытовой жизни, — строительную, сельскохозяйственную, транспортную и т. д., см. в частности (Лысенко 1966; Евтушок 1990; Никончук 1985; Никончук 1990; Бабичева 1990). Собранные в этих и других работах лексические данные наглядно показали как специфику полесской языковой зоны, так и ее связь с другими восточнославянскими диалектами.

Вместе с тем, благодаря возросшему в этот период интересу к славянскому фольклору, внимание диалектологов постепенно переключается на лексику, связанную с духовной славянской культурой, результатом чего становится ряд диалектологических работ, посвященных терминологии семейной и календарной обрядности, архаических технологий типа ткачества, тесно связанных с традиционной магией и верованиями, см. в частности (Романюк 1984; Топорков 1986; Павлова 1990 и др.).

Пристальное внимание к диалектной лексике обусловило интерес к контекстам ее употребления и сферам ее функционирования в традиционной культуре, что в дальнейшем послужило основой для переноса внимания с самой лексики на традицию, в которой она существует. Результатом этого стала переориентация интереса от семантики лексемы к семантике обряда или культурной реалии, которую та или иная лексема обозначает. Это предопределило распространение лингвистических методов исследования на область традиционной культуры и фольклора.

Именно этот методологический прием чуть позже получил название этнолингвистики, а основатель Московской этнолингвистической школы Н. И. Толстой сам прошел путь от изучения полесской лексикологии (результатом чего стала его монография «Славянская географическая терминология») до идей создания атласа полесской духовной культуры и теоретических обоснований этнолингвистического исследования славянской традиции, в основе которых будет лежать внимание к диалектной лексике и сферам ее существования. По словам Н. И. Толстого, в основе этнолингвистического метода лежит «слово, возникшее и функционирующее в этнической среде, в сфере народной культуры».

Второй важной тенденцией 60—90-х годов, повлиявшей на развитие этнолингвистики, было усиление интереса к лингвогеографии и ареалогии. В этот период были подготовлены диалектные атласы украинского и белорусского языков, включавшие полесскую зону, а также ряд региональных диалектных атласов полесских говоров, среди которых особо следует выделить Лексический атлас Правобережного Полесья Н. В. Никончука и Лингвистический атлас Нижней Припяти Т. В. Назаровой (Назарова 1985).

Успехи в исследовании языковых диалектов стали предпосылкой для ареального изучения и картографирования фольклорных, обрядовых, мифологических элементов. Это открыло новые возможности выявления этнокультурных границ и сопоставления их с известными языковыми, этнографическими, археологическими границами. Ареалогическое описание полесской культуры связано с поня-

тием диалектологии традиционной культуры, теоретическое обоснование и методы изучения которого были разработаны в рамках этнолингвистических работ. Представление о географическом распределении культурных элементов и существовании этнодиалектных ареалов по аналогии с языковыми диалектами связано с развитием идеи Н. И. Толстого о том, что «вся народная культура диалектна ... все ее явления и формы функционируют в виде вариантов, территориальных и внутридиалектных вариантов с неравной степенью различия». Осмысление традиции как совокупности этнокультурных диалектов имело решающее значение для выработки и апробации методов картографирования фольклорного и этнографического материала в самых разных его формах. На первом этапе в основном доминировал интерес к ареальному распределению терминологической лексики (названий обрядов и обрядовых действий, участников обряда, календарных и семейных праздников, мифологических персонажей и др.) и фразеологии, описывающей элементы славянской традиционной культуры. В дальнейшем объектами картографирования стали не только лексика и фразеология, но и более сложные элементы традиции — фольклорные тексты, элементы календарных и семейных обрядов, отдельные мотивы и сюжеты. В отличие от чисто лингвистических подходов к картографированию диалектной лексики, этнолингвистические методы диалектного описания уделяют приоритетное внимание не только распространению самой словоформы, но и широкому этнокультурному контексту, в котором она функционирует в конкретной ареальной традиции. Для выработки соответствующей методологии обработки картографируемого материала бесценным является опыт этнолингвистического обследования Полесья, которое включало в себя сбор материала по единому унифицированному вопроснику, а также последующую его обработку по программе «Полесского этнолингвистического атласа». Попытки в картографировании разных элементов традиционной культуры Полесья отражены в ряде работ (Славянский и балканский фольклор. М., 1986; Славянский и балканский фольклор. М., 1995). Корпус карт, описывающих диалектологию украинского родильного обряда, был создан и опубликован Н. К. Гаврилюк (Гаврилюк 1981).

Несомненные успехи лингвистики 60—80-х гг. в области языковых реконструкций (славистики, индоевропеистики и ностратики) обострили внимание к реконструкциям этнокультурных традиций и к тому, что принято называть «славянскими древностями», а именно — к реликтовым элементам, существующим в синхронном срезе культуры вместе с более поздними слоями и образованиями. Это вывело из почти что забвения и актуализировало круг идей Д. К. Зеленина по «ретроспективному» анализу славянской традиции, выдвинутых им еще в начале XX в. в книге «Очерки русской мифологии» и в ряде других его работ. Справедливо полагая, что изучение древнейших состояний славянской культуры не может опираться на отрывочные, бессистемные, а иногда и просто ошибочные свидетельства, сохранившиеся в памятниках древнерусской письменности, Зеленин предложил в качестве материала для реконструкции современный исследователю слой традиции, из которого путем специального анализа можно извлекать ее наиболее архаичные

фрагменты: «Все почти исследователи, занимавшиеся русскою мифологиею, шли от старого к новому... Наш путь совсем иной. Отправной точкой для нас всегда и везде служат современные верования и обряды русского народа. С ними мы сопоставляем исторические известия, если таковые имеются. И вообще, мы идем не от старого к новому, а от нового, нам современного и более нам близкого, — к старому, исчезнувшему, пятясь, так сказать, раком в глубь истории» (Зеленин 1995, 38). Этот тезис, выдвинутый Д. К. Зелениным в 1916 г., можно считать девизом исследований в области славянской традиционной культуры и методологически нового (применительно к отечественной науке) направления 70-х гг. XX в. — этнолингвистики, неразрывно связанной с именем Н. И. Толстого.

Наконец, еще одной важной тенденцией второй половины XX в., напрямую повлиявшей на развитие этнолингвистики, стало оживление интереса к русскому и славянскому фольклору. Появился ряд важных работ в области полесского фольклора, например «Полесский фольклорный календарь» В. Давидюка. Собираение, описание и анализ полесского музыкального фольклора в течение многих лет вела З. Я. Можейко. В начале 80-х годов она выпустила в свет два тома «Песен белорусского Полесья», а в 1985 г. — фундаментальную монографию о календарно-песенной культуре Белоруссии вообще и Полесья в частности. Минский университетский коллектив фольклористов (В. А. Захарова, Р. М. Ковалева, В. Д. Литвенко, В. И. Рогович) выпустил в свет в 1989 г. том полесского традиционного фольклора, собранного в Гомельской области в 70 — начале 80-х гг. XX в. **В том вошли календарные песни, свадебные, семейные, лирические, сиротские, шуточные песни, баллады, детский фольклор, заговоры, загадки, сказки, народные предания.** Тем же коллективом в 1984 г. была составлена и издана книга «Полесская свадьба», содержащая 800 свадебных песен, записанных в полесских селах от Брестщины и Пинщины до Мозырщины и Лоевщины.

При всем внимании исследователей к культуре Полесья, описание мифологической традиции этого региона долго оставалось на периферии научных интересов, и лишь с началом работы **Полесской этнолингвистической экспедиции** и выработкой единой программы-вопросника по мифологии стал возможным систематический сбор материала в этой области верований. Работу Полесской экспедиции, а также собранные ею материалы можно без преувеличения назвать уникальными хотя бы потому, что в истории отечественной полевой практики это почти единственный опыт единовременного (в течение двадцати лет) комплексного описания традиционной культуры столь обширного региона (от запада Калужской и Брянской областей до запада Волыни и Брестщины) едиными методами, по единому вопроснику, специально разработанному для целей экспедиции. Работа экспедиции осуществлялась системно, для чего была разработана достаточно густая сетка населенных пунктов, в первоначальном варианте включавшая 148 позиций (см. Приложение № 1).

Началом комплексного исследования Полесья можно считать 1962 г., когда Институтом славяноведения и балканистики АН СССР (в настоящее время —

Институт славяноведения РАН) и Институтом языкознания БССР была организована серия диалектологических экспедиций (результаты этих экспедиций см. в: Полесье. Лингвистика. Археология. Топонимика. М., 1968; Лексика Полесья. М., 1968; Лексика Полесья ў прасторе і часе. Минск, 1971). С 1974 г. под руководством Н. И. Толстого начинается этнолингвистический этап изучения Полесья, напрямую обусловленный актуальными для этого периода планами создания Полесского этнолингвистического атласа и Словаря славянских древностей (подробная хроника Полесских экспедиций помещена в изданиях: ПЭС; Славянский и балканский фольклор. М., 1995).

В течение последующих одиннадцати лет работа экспедиций велась плодотворно и интенсивно, продвигаясь в описании полесских регионов, накапливая богатый опыт и завоевывая новых единомышленников. Постепенно к ее работе подключались другие научные центры страны, организовавшие свои экспедиционные группы и перенимавшие методы и программу экспедиции. Помимо сотрудников и аспирантов Института славяноведения, основной костяк экспедиции составляли студенты и аспиранты этнолингвистического семинара Н. И. Толстого, в течение многих лет работавшего на филологическом факультете МГУ, а также другие студенты, аспиранты и сотрудники МГУ и ряда вузов. С 1984 г. к Полесской экспедиции присоединилась экспедиция филологического факультета Белорусского университета, организованная сотрудником этого университета Н. П. Антроповым. Несколько групп студентов Львовского университета под руководством В. И. Харитоновой также работали в рамках Полесской экспедиции. В разные годы в составе экспедиции участвовали представители Тартусского, Львовского, Белорусского, Гомельского, Калининградского университетов, Житомирского, Сумского, Курского педагогических институтов и других научных центров страны. Необходимо подчеркнуть, что сбор такого объема материала на столь обширной территории в относительно короткие сроки не был бы возможен без атмосферы научного подъема, дружеского общения и подлинного энтузиазма, царившей в экспедиции и незабываемой для всех, кому посчастливилось принять участие в ее работе. Полесская экспедиция, помимо выполнения непосредственных прикладных задач по сбору полевого материала, очень быстро стала важной формой организации научной жизни, той креативной средой, в которой возникали и апробировались новые идеи, методы, гипотезы. В большинстве экспедиционных групп в полевых условиях работали научные семинары, на которых делались доклады, анализировались записанные материалы, дискутировались спорные вопросы. Многие из того, что позже стало известными статьями, крупными монографиями, кандидатскими и докторскими диссертациями, начиналось именно с докладов, прочитанных в рамках этих семинаров, проходивших в неказистых сельских школах, где обычно располагалась экспедиция. Именно эта творческая среда привлекала в состав экспедиции большое число добровольных помощников, среди которых, помимо диалектологов и фольклористов, были специалисты разных направлений (этнографы, этномузыковеды,

литературоведы, искусствоведы и т. д.), оказавшие большую и бескорыстную помощь в сборе и обработке материала.

Год Чернобыльской катастрофы стал переломным для Полесской экспедиции. Значительная часть полесского региона оказалась в той или иной степени заражена радиацией (ситуация усугублялась полным отсутствием достоверной информации и карт зараженных территорий) и стала небезопасной для посещения. Большинство сел, непосредственно примыкавших к зоне аварии, подверглось расселению. С 1986 г. работа экспедиции была в значительной степени сокращена. Лишь группы Белорусского университета под руководством Н. П. Антропова, обследовавшие Брестскую обл., и группа Львовского университета под руководством В. И. Харитоновой, выезжавшая в волынские села, продолжали работу еще несколько лет. Летний сезон 1991 г. стал последним в истории Полесских экспедиций.

Несмотря на то, что изучение полесского региона из-за череды трагических событий осталось незавершенным (удалось обследовать около 60 % намеченных территорий), значимость результатов экспедиций трудно преувеличить. Была всесторонне описана чрезвычайно богатая и живая духовная традиция, выявлена ее структура, типология ее разных уровней — от круга семейных и календарных обрядов до корпуса магического знания в разных областях (ткачество, земледелие, строительство, скотоводство, медицина) и мифологических верований. Главным результатом экспедиции стал огромный полевой материал, отдельные фрагменты которого публиковались в последние годы, см. в частности (Полесские заговоры 2003). Полесский архив послужил основой для многих работ в области славянской культуры, в частности для подготовки этнолингвистического словаря «Славянские древности». Анализ полесских текстов, несомненно, будет востребован в самых разных областях гуманитарного знания — от лексикологии и диалектологии до фольклористики и этнографии. Исследование полесского материала послужило катализатором для выработки этнолингвистических методов исследования, соединивших в себе теоретические принципы нескольких дисциплин.

В рамках работы над полесскими материалами была значительно продвинута теоретическая и практическая работа в области славянской мифологии. Сотрудниками Отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения был выработан единый алгоритм описания мифологического персонажа как смысловоразличительного инварианта (Виноградова, Толстая и др. 1989, 78—85) разработаны способы сравнительного описания персонажа в разных славянских традициях (Виноградова 1992), был апробирован на отдельных фрагментах традиции принцип диалектного описания и картографирования мифологических мотивов, связанных с отдельными персонажами (Виноградова 1986; Левкиевская 2000).

Осмысление результатов Полесской этнолингвистической экспедиции высветило ряд общетеоретических проблем в методах полевой работы. К ним относятся: принципы выработки вопросника, методы подготовки участников экспедиции, сбора и записи информации, построения интервью собирателя с информантом